

Павлов В.И.

ведущий научный сотрудник отделения государственного строительства и развития общества Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ТИП ПРАВОПОНИМАНИЯ КАК ОТКРЫТИЕ ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТИ ПРАВА

Введение. Теоретическое рассмотрение любого правового явления всегда предопределено исходными началами самой правовой теории, в рамках которой происходит фиксация познаваемого фрагмента правовой реальности. Рефлексия (как саморефлексия) этих исходных начал правового познания является условием понимания модальности осуществляемой познавательной деятельности, возможностью видения ее границ, артикуляции методологического языка и, следовательно, возможности ведения научного диалога, дискуссии с исследовательскими стратегиями, разворачиваемыми на базе иных исходных начал правового познания. Иными словами, исследователь должен отдавать себе отчет в том, в рамках какой исследовательской программы, на каком методологическом языке он говорит о правовой реальности. Особое значение это требование предъявляется к теоретикам, философам и социологам права, которые находятся в авангарде правового познания, работают на высшем этаже правовой рефлексии. Правоведы, занимающиеся фундаментальными исследованиями, вырабатывают методологические коды, языки, в рамках которых специалисты отраслевых юридических наук уже исследуют свою, более конкретную предметную область, связанную с пространством нормативности, т.е. с отраслевым законодательством.

1. Тип правопонимания и тип научной рациональности: методологические основы соотношения. В юриспруденции центральную роль в определении методологического языка играет тип правопонимания. Тип правопонимания, как отмечает А.В. Поляков, представляет собой «определенный образ права, характеризующий совокупностью наиболее общих теоретических признаков права и наиболее общих признаков практического (ценностного) к нему отношения» [1, с. 81]. Тип правопонимания является матрицей интеллектуального схватывания правовой реальности. Очевидно, что правопонимание влияет практически на все стороны правового познания, свою печать оно (явно или скрыто) оставляет на исследовании каждого частного фрагмента, будь то правовое сознание, правовая культура, юридическая ответственность и т.д.

Следует учитывать, однако, что тип правопонимания как внутриюридическая модальность правового представления соотносится с более широким познавательным контекстом, в качестве которого уже выступает тип научной рациональности. Тип научной рациональности образует определенное методологическое пространство, в рамках которого разворачиваются различные мето-

дологические практики, которые, однако, связаны типом научной рациональности.

О типе научной рациональности впервые заговорили в 50-х–60-х гг. XX столетия. Сегодня мы уже знаем о существовании трех типов научной рациональности. Как отмечает В.С. Степин, «три крупные стадии исторического развития науки, каждую из которых открывает глобальная научная революция, можно охарактеризовать как три исторических типа научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации. Это – *классическая рациональность* (соответствующая классической науке в двух ее состояниях – дисциплинарном и дисциплинарно-организованном); *неклассическая рациональность* (соответствующая неклассической науке) и *постнеклассическая рациональность*» [2, с. 632]. Для точного описания этих трех типов приведем текст классика полностью: «Классический тип научной рациональности, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира, на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминации.

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний (определяют, что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире).

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над деятельностью. Он учитывает соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Причем эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями» [2, с. 633–634].

Итак, три типа научной рациональности представляют собой три модальности познавательных практик.

Необходимо учитывать, что типы научной рациональности зарождаются в определенных цивилизационно-культурных условиях и связываются с конкретными историческими эпохами. Например, первый тип научной рациональности – классический – оформляется в эпоху буржуазных революций в Западной Европе в XVII–XVIII вв. Для правоведения учет этого обстоятельства имеет принципиальное значение, поскольку доминирующие сегодня либеральные политико-правовые концепции были обоснованы именно в рамках этого типа научной рациональности и с незначительными изменениями просуществовали до наших дней.

Интересно, что осмысление разрыва рациональности произошло практически одновременно как на Западе, так и в СССР. В западной мысли одним из первых разрыв классической западной научной традиции и современного этапа развития знания зафиксировал французский мыслитель Мишель Фуко в своей работе «Слова и вещи» (1966) [3, с. 35–37]. Для этих целей М. Фуко ввел ряд специальных концептов, главными из которых выступили «эпистема» и «дискурс». «Под эпистемой, – говорит М. Фуко, – мы понимаем совокупности связей, которые могут объединить в данную эпоху дискурсивные практики, которые предоставляют место фигурам эпистемологии, наукам и любым возможным формализованным системам. Иначе говоря, эпистема – это тот способ, в соответствии с которым в каждой из дискурсивных формаций становится возможным и совершается движение эпистемологизации, научности и формализации» [4, с. 190]. Дискурс (дискурсия, дискурсивная практика, дискурсивный ансамбль), в свою очередь, означает у М. Фуко имплицитную структуру, задающую последовательность словесных знаков, правила научной речи как безусловное данное познания на том или ином этапе развития науки. Это скрытая от взора исследователя и не подлежащая оспариванию структура говорения, признаваемая за истинно данное [3, с. 111–149]. Н.С. Автономова указывает, что исследование дискурса должно показать, «по каким исторически конкретным правилам образуются объекты тех или иных наук...; как строятся высказывания...; как задаются понятия...; каким образом совершаются выборы тех или иных мыслительных ходов» [5, с. 26].

Таким образом, эпистема как поле дискурсивных практик призвана показать «исторически изменяющиеся структуры, которые определяют условия возможности мнений, теорий или даже наук в каждый исторический период» [5, с. 12]. М. Фуко анализировал три выделенные им эпистемы: ренессансную, классическую и современную.

В советской науке на необходимость различения типов научной рациональности было указано в начале 70-х гг. Первым это сделал М.К. Мамардашвили в совместной с Э.Ю. Соловьевым и В.С. Швыревым работе «Классическая и современная буржуазная философия» (1970) [6; 7]. В частности, характеризуя различие классики и современности, советские философы отмечали: «главной претензией классической философии была претензия на систематическую целостность, завершенность, монистичность, покоящаяся на глубоком чувстве естественной упорядоченности мироустройства, наличия в нем гармоний и порядков (доступных рациональному постижению). Современная буржуазная философия является объективным обнаружением той весьма дорогой, а теперь невозможной “цены”, которую приходилось платить за реализацию этой претензии. Ныне существующие философские направления при ближайшем рассмотрении оказываются не чем иным, как последовательным и откровенным развертыванием внутренних неувязок, содержательных противоречий классического мышления, которых оно могло избежать лишь путем значительных огрублений и упрощений, путем весьма жестких абсолютизаций и умолчаний. Они, если можно так выразиться, срывают с буржуазной философской классики маску “классичности”, как бы “выговаривая” своим содержанием

те недоговоренности и упрятанные рационализации, которые были условием и внутренней опорой достижения этой классичности и цельности в прошлом» [8].

Таким образом, учитывая очевидность наличия типов научной рациональности, всякое исследование, в том числе юридическое, должно артикулировать методологический подход, на основе которого проводится исследование, а также те исторические и цивилизационно-культурные условия, в которых этот подход сформировался. Это особенно важно, когда актуальное исследование в ситуации одной научной рациональности (скажем, постнеклассики) проводится на основе методологии, сформировавшейся на предшествующих этапах научной рациональности (классики или неклассики). Учет условий формирования позволит нивелировать исторические и цивилизационно-культурные искривления и выступит возможностью критической саморефлексии, поскольку каждый тип научной рациональности рождает свойственные ему методологические подходы. Так, классика связана с различными вариантами метафизики, диалектики, позитивизма; неклассика является условием формирования неопозитивизма, феноменологии, экзистенциализма, герменевтики, структурализма, фрейдизма; постнеклассика связана с разработкой постпозитивизма, постструктурализма, синергетической парадигмы, постмодернизма [1, с. 82].

Прилагая вышесказанное к теоретической юридической науке, следует отметить, что используемый исследователем тип правопонимания должен сопоставляться с условиями складывания того или иного типа научной рациональности, в рамках которого используется та или иная методологическая программа. Существенно то, что, скажем, на современном этапе, соответствующем постнеклассическому типу научной рациональности, возможно работать в рамках классики или неклассики. Но было бы ошибкой представлять, например, классику как нечто подлинное и аутентичное по сравнению с двумя последующими типами научной рациональности (см. по этому поводу, например, аргументированную позицию В.П. Малахова [9, с. 50–51]). Каждый тип научной рациональности, учитывая в том числе и пороги между ними, имеет свой собственный формат познания и свои собственные границы валидности.

2. Классические и постклассические типы правопонимания.

А.В. Поляков отмечает: «в своем теоретическом развитии классическая западная правовая мысль (соответствующая классическому типу научной рациональности) сформулировала три основных теоретических подхода к пониманию права (три типа правопонимания): естественно-правовой, этатистский и социологический» [1, с. 82]. Именно классический тип научной рациональности порождает понимание права в трех указанных типах. Поэтому будет неверным отождествлять различие эпистемологических пластов (типов научной рациональности) с конкуренцией правовых школ внутри правовой доктрины, которая, повторимся, по своей природе принадлежит классической научной рациональности, возможна за счет ее конфигурации. Однако когда мы выходим за пределы классической рациональности и фиксируем то же правовое явление с позиции другого метаязыка (не- или пост- неклассического), то мы получаем

совершенно иные результаты. Даже основываясь на приведенных выше отличительных признаках типов классической рациональности, выделенных В.С. Степиным, можно заметить, например, что классика совершенно не рефлексирует позицию субъекта (и это является условием получения «объективного знания» как независимого от субъекта), неклассика (например, феноменология, экзистенциализм) уже обращается к рассмотрению позиции субъекта. Постнеклассика же (например, постструктурализм) вообще осуществляет операцию децентрации субъекта, тем самым возвращаясь к структурам формализации образа человека в праве в классический период. Т.Л. Воротилина в связи с этим отмечает, что постнеклассические стратегии правового познания характеризуются «отказом от познания сущности права, сосредоточением внимания на его “слоях” (эмпирических явлениях), включением права в контекст аналогий с иными знаковыми системами (литературой, музыкой, театром), деконструкцией классической либеральной юриспруденции, децентрацией законодателя, правоприменителя, иных субъектов правового процесса, указанием на него как на процесс понимания и диалога культур, а не абстрактного познания всеобщих универсальных закономерностей права» [10, с. 6].

Сегодня постклассические исследования в праве представлены достаточным количеством работ. Среди ведущих следует назвать разработки петербургской школы – коммуникативно-феноменологическую концепцию права А.В. Полякова, социолого-антропологическую (диалогическую) концепцию права И.Л. Честнова, новую концепцию субъекта права С.И. Архипова, методологические исследования Д.И. Луковской и Л.И. Спиридонова, также исследования других русскоязычных авторов – герменевтическую концепцию А.И. Овчинникова, работы методолога московского методологического кружка В.М. Розина, теоретические исследования Н.Н. Тарасова, Т.Л. Воротилиной, А.Ю. Мордовцева, В.И. Доровских, Ю.А. Дружкиной, А.В. Стовбы и др.

3. Антропологический тип правопонимания. Предлагаемый нами подход к пониманию права формируется в рамках антропологической научной программы, связанной с переосмыслением места человека в правовой реальности. Попытаемся лаконично описать проблемное поле и содержание антропологического типа правопонимания.

Основные задачи, стоящие перед постклассическим мышлением в отношении антропного поля в праве, на наш взгляд, можно свести к следующим:

1) выведение к правовому присутствию реального человека-в-праве поверх формализованной модели субъекта права/правоотношения;

2) выяснение связи нормативной модели человека юридического (субъекта права) с человеком в ситуации его правового существования (человека-в-праве);

3) выявление подлинных способов формирования и разворачивания человекомерности в праве на основе формирования концепта правовой субъективации как процесса и условий действия субъекта права;

4) сопоставление человека-в-праве как динамического образования, правового существования с нормативным пространством (позитивизм), правовыми идеями (юснатурализм) и социальными/правовыми отношениями (юридиче-

ский социологизм), рассматриваемыми классической теорией в качестве существенных образований;

5) выявление типа соотношения процесса складывания человека-в-праве (на основе правовой субъективации) с другими правовыми существованиями (с другим человеком-в-праве), т.е. выявление типа правового со-*бытия* как актуального состояния любого правового сообщества.

Как мы уже говорили, постнеклассика открыла тот факт, что в классической эпистеме отсутствовала субъектная саморефлексия. Постклассическая мысль осуществила децентрацию субъекта («смерть субъекта» М. Фуко, «смерть автора» Р. Барта). Однако следует проявлять осторожность в отношении понимания децентрации, равно как и вообще к работе постклассической мысли по распределению, декомпозиции классических образований. Как отмечает А.Е. Смирнов, децентрированный субъект «как никогда “жив”, ибо выступает условием конституирования и переменного воспроизводства динамических форм существования такого же децентрированного объекта» [11, с. 17–18]. Иначе говоря, речь не идет о постмодернистском произволе по исключению человекомерности как таковой, – речь идет о попытке придать человекомерности в праве иную форму присутствия – задать ее так, чтобы эксплицитировать реально действующего, динамического человека в правовой реальности, в процессе правового регулирования отношений.

Продвижение к такого рода понятой субъектности в праве неизменно связано со вскрытием связывающих условий формирования классической мысли, среди которых центральными выступают такие категориальные образования, как «сущность», «субстанция» и «субъект». В классической мысли эти категории являются ее условием, в постклассике же происходит их переосмысление.

Ключевым моментом переосмысления классических оснований правового анализа является, прежде всего, отказ от концепта сущности. Сущность фундирует понимание права в классических системах. В частности, это хорошо прослеживается относительно позитивизма и юснатурализма, которые представляют и понимают право как нормативность (систему норм) и спекулятивную метафизичность (справедливость, принципы прав человека) соответственно. Субстанциальность права здесь выражается в предположении некоего априорного (внеопытного) основания, где находится исток права как некая правовая подлинность, априорный правовой эталон. Социологическая теория права (если рассматривать, например, позицию О. Эрлиха), хотя и обращается к динамическим структурам (тем самым дрейфует на границе классики и неклассики) – общественным отношениям, социальному порядку, однако понимает эти отношения как фундированные нормами общественных союзов. Социальные отношения, хабиитуализировавшиеся в социальных институтах, конституируют «живое право». Однако фактически сложившаяся социальная норма или отношение все равно рассматривается как сущность, наличное основание социального порядка, которое *всегда есть* в форме социальной конвенции. Субъектная же позиция, правовое существование при таком подходе не влияют на «живое право», которое возможно лишь в социуме, представленном как деантропологическая тотальность. Иными словами, социологическая теория права концентриру-

ет внимание на самих правовых отношениях, правовое же существование субъекта ее не интересует – субъект рассматривается лишь как предикат отношения и только.

Антропологический тип понимания права в своей аутентичной постановке ставит цель встроить человека-в-праве в структуру правопонимания. Задача аутентичной антропологии – открыть человекомерность в праве. В связи с этим основной вопрос заключается в том, каким образом поставить в центр правового анализа динамический образ субъекта как человека-в-праве с сохранением процесса его складывания (правовой субъективации), но, в то же время, сообразовать такое сверхсубъектное образование с нормативным пространством, правовыми идеями и правовыми отношениями как правовыми эталонами классической правовой теории? Ведь операционально сами по себе эти правовые явления в своих границах сохраняют свою значимость и отказываться от них не имеет смысла, поскольку право своей т.н. сущностной стороной (если, конечно, признавать ее наличие, что, однако, не значит признавать, что эта сторона есть уже само право, его первоисток) и по своему жизненному, регулятивному назначению связано юридической формой, необходимостью фиксировать правила поведения в текстах, и поэтому оно должно, конечно, иметь субстанциальную (формально-правовую) фиксацию, что, однако, не означает, что она при этом должна выдаваться за саму суть, основание права, которое якобы имеется в наличии.

Предварительно выскажем лишь начала развития антропологического типа правопонимания.

1) В связи с развиваемым антропологическим подходом в праве осмелимся предположить, что *у права вообще нет и не может быть какой-либо субстанциальной основы наподобие сущности права, в которой бы цельно заключалась правовая подлинность, правовой эталон*. Подлинность права как его бытие не заключается в каком-то основании (нормах, идеях, отношениях), на которое опирается сущее, т.е. актуальная правовая действительность. Различение в юснатурализме права и закона наглядно показывает, что закон как сущее произведен от права как априорного основания, полагающегося в качестве бытия, отождествляемого с правовой подлинностью. Однако такой взгляд основан на классической схеме. В ней уже по своей конфигурации субъект относится к области сущего и, следовательно, не может быть представлен как фигура динамического собирания правового бытия. Субъекту, заключенному в область сущего, уготована судьба механического сборщика уже данных правовых целостностей (норм, идей, нормативных моделей отношений). Право (понимаемое как сущность) согласно такой схеме находится либо в нормах (как воле государства), либо в идеях (как сверхсущностном истоке), либо в социуме (как в социальных конвенциях). Классическая концепция субъекта, таким образом, скрывает, закрывает человека в его подлинном существовании в правовой реальности.

Постклассическое же мышление предполагает, что *само бытие должно рассматриваться не в качестве основания, а в качестве становления*. Основная интенция такого подхода заключается в переходе «от представления бытия

в качестве сверхсущностного основания к его представлению в качестве становления» [11, с. 53]. Бытие рассматривается как принадлежащее именно этому существу, которое в приложении к человеку есть существование¹. В опыте существования и есть возможность становления бытия.

Такая трансформация познания в отношении к праву приводит к следующим заключениям. Правовая подлинность понимается не как сущность права, заданная в качестве основания, но как существование (но не действие, регулирование, ибо эти структуры сразу накладывают отпечаток эссенциальности как производности действия права от положенной сущности). Иными словами, *правовая подлинность складывается только в процессе правового существования – она не может быть предзадана в качестве сущности*. Но существование права функционально связано его разворачиванием в правовом со-обществе, в регуляции поведения заключены назначение, смысл и ценность права. Поскольку же право вне человека модальности существования не имеет, постольку право всегда есть геноуинно антропно связанная структура. Это означает, что только правовое существование с антропологической точки зрения может обнаружить правовую подлинность, ибо только в нем присутствует человек-в-праве. Это, повторимся, не означает, что правовые нормы, идеи или отношения утрачивают свою значимость – они теряют это качество лишь по отношению к своему классическому статусу правового эталона.

2) Классический «субъект права» не может вместить в себя правового существования, поскольку самого «субъекта права» как реального динамического образования не существует, это производная от основания категория как совокупность прав и обязанностей, или, если говорить проще, «нормативный человек». Для характеристики правового существования как бытия сущего в праве необходимо ввести новый образ человека в праве. Это человек, который соответственно также понимается не в парадигме сущности (как cogito-субстанции), а в парадигме существования [1, с. 81]. Для этих целей мы использовали концепт правовой субъективации [13], в самом общем виде понимаемый как антропологические практики, правоповеденческие паттерны самообращения, в которых и через которые конкретный человек измеряет правовую жизнь в целом, свой правовой статус и правовое положение в частности, в том числе и конкретную юридически значимую ситуацию, в которой он оказывается. Именно практики правовой субъективации фактически характеризуют правовое существование субъекта права, точнее той области, которая остается «за фасадом» субъектной позиции.

Введение сверхсубъектного антропологического образования в праве обеспечивает понимание права не как априорной сущности, но как динамического становления в ситуации правового существования.

3) Бытие права, следовательно, как бытие через правовое существование (а следует помнить, что «бытие есть всякий раз бытие сущего» [12, с. 9]), является полем таких существований, полем существований единичных, сингуляр-

¹ Ср.: «Само бытие, к которому присутствие (Dasein) может так или так относиться и всегда как-то отнеслось, мы именуем экзистенцией (существованием)» [12, с. 12].

ных правовых лиц. Не изначально цельное правовое основание бытия (естественные неотчуждаемые права, право природы и т.д.), дающее вторым шагом (например, через общественный договор) множественное правовое сущее, но само существование правовых сингулярностей, лиц, образует правовую дискретность бытия, обреченность раз-деленного, со-вместного существования в со-*бытии* друг-с-другом. Иными словами, правовое бытие выявляется только лишь как бытие-с, что, однако, не замещает значение сингулярности тотальностью социального целого: «социальность, – утверждает Т.Х. Керимов, – является уже не объектом или идеей, но со-бытием существований» [14, с. 21]. Человек-в-праве разделяет правовое бытие-с-другими, однако не поглощается социальным целым, а остается в модусе собственного правового существования. Парадоксально, но именно эта раз-деленность существований, как утверждает А.Е. Смирнов, является условием их тождества в многомерной социальной реальности: «“децентрация” влечет за собой не уничтожение субъекта, а концентрацию, расположение его в многомерной социальной реальности. Децентрированный субъект возвращается в эту реальность как условие конституирования и восстановления динамических форм, выявления существования такого же децентрированного объекта с присущими ему “режимами бытия”» [11, с. 57]. Полагаем, поэтому, что именно через правовое существование человека-в-праве возможно выявить «режим бытия» права как его подлинное конституирование в реальной динамике правовой действительности.

4) И последнее. Отказ от классической фундированности права сущностью и переход к правовому существованию требует ответа на вопрос о том, каким образом в таком случае решать конкретные задачи правовой действительности, на что ориентироваться законодателю, правоприменителю, где взять критерии правового? Предварительно можно предположить, что *критерий правового находится на границе, пороге соприкосновения практик правовой субъективации и т.н. «сущностных правовых образований» (норм, идей, отношений)*. Причем сам этот порог, пространство встречи, не поддается формализации ввиду присутствия в его структуре сверхсубъектного неформализуемого образования – правовой субъективации, и именно поэтому этот порог, эта граница не есть сущность (права). Это приводит к выводу о том, что критерии, *место правового по своей природе не сущностно, а энергично*, причем его динамическое становление принципиально связано не только с внесубъектной динамикой правовой жизни (правовыми отношениями, юридической практикой, правовой коммуникацией), но с энергичным типом складывания человека-в-праве. Такое заключение выдвигает как требование переосмысления самого процесса правового регулирования общественных отношений (как последовательного разворачивания правовой сущности), так и требование переноса акцента в понимании истоков права с основания права на его становление.

Список использованных источников:

1. Поляков, А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций / А.В. Поляков. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 864 с.
2. Степин, В.С. Теоретическое знание: структура, ист. эволюция / В.С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
3. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. В.П. Визгина [Вступ. ст. Н.С. Автономовой] / М. Фуко. – СПб. : А-сad, 1994. – 405 с.
4. Фуко, М. Археология знания: Пер. с фр. / Общ. ред. Бр. Левченко. – К. : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
5. Автономова, Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» [вступит. ст.] // Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: Пер. с фр. В.П. Визгина. – СПб. : А-сad, 1994. – С. 7–27.
6. Мамардашвили, М.К. Классическая и современная буржуазная философия. Опыт эпистемологического сопоставления (Часть 1) / М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев // Вопросы философии. – 1970. – №12. – С. 23–38;
7. Мамардашвили, М.К. Классическая и современная буржуазная философия. Опыт эпистемологического сопоставления (Часть 2) / М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев // Вопросы философии. – 1971. – №4. – С. 58–73.
8. Мамардашвили, М.К. Классика и современность. Две эпохи в развитии буржуазной философии / М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев, В.С. Швырев // Философия в современном мире. – М., 1972. – С. 28–94 // Психологическая библиотека Киевского Фонда содействия развитию психической культуры. [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamsosh/index.htm>. – Дата доступа : 15.06.2011.
9. Малахов, В.П. Философия права : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.П. Малахов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 336 с.
10. Воротилина, Т.Л. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания : Автореф. дисс. ...канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.Л. Воротилина. – Нижний Новгород, 2002. – 24 с.
11. Смирнов, А.Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты / А.Е. Смирнов. – Иркутск : НЦРВХ СО РАМН, 2011. – 306 с.
12. Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина; 2-е изд., испр. / М. Хайдеггер. – СПб. : Наука, 2002. — 451 с.
13. Павлов, В.И. Глобализация, общество постмодерна и национальное право: на пороге новой модели правовой субъективации / В.И. Павлов // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2011. – №2 (22). – С. 172–179.
14. Керимов, Т.Х. Неразрешимости / Т.Х. Керимов. – М. : Академический проект ; Трикста, 2007. – 218 с.